

Обойдя прихожую, Гу Шутун увидел двухэтажную квартиру в теплых тонах, с изысканным ремонтом, который очень подходил Цзян Ифэю.

В гостиной никого не было. Гу Шутун побегал по полу, с любопытством разглядывая картины разных размеров на стенах и столах. Одни были масляными, другие — тушью. Независимо от техники, большинство изображали пейзажи — то яркие и насыщенные, то нежные и приглушенные, но все невероятно красивые.

Фу Сьюэ передал Цзян Ифэю заранее приготовленный подарок и устроился в кресле.

— Твой маленький актёр знает, что сегодня твой день рождения?

Гу Шутун насторожил уши: оказывается, сегодня день рождения Петуха!

— Знает. Подарил часы.

Фу Сьюэ усмехнулся:

— Ну, он и вправду старателен.

Цзян Ифэй лишь улыбался в ответ.

Фу Сьюэ пристально посмотрел на него:

— Ему стоило бы держаться от тебя подальше. Ты... Ладно, неважно.

Улыбка на лице Цзян Ифэя померкла. Его губы дрогнули, но в конце концов он так ничего и не сказал.

Атмосфера на мгновение застыла. Неловкую паузу нарушил Гу Шутун, подбежав к ним.

— Гав-гав! — Петух, с днём рождения!

— Гав-гав! — Мне нечего тебе подарить, так что прими мои искренние пожелания!

Цзян Ифэй, усмехаясь, потрепал Гу Шутуна за голову и сменил тему:

— Когда ты планируешь ввести Пипи в проект? Мы можем начать со съёмок сцены для главного героя отдельно. Пипи может присоединиться в любое время, но лучше не позже февраля.

— После Праздника фонарей. Конкретную дату уточню позже.

Цзян Ифэй удивился:

— А что ты будешь делать после Нового года? Почему вдруг согласился на участие Пипи?

— Улечу за границу. Надолго. После решения всех дел вернусь, но будет невероятно загружен. В «Чжида» грядут большие перемены, и мы планируем этим воспользоваться, чтобы их поглотить. Пипи тоже хочет поехать, так что присмотри за ним — боюсь, моя мать опять начнёт ему пакости.

Цзян Ифэй с неодобрением цокнул языком:

— Как тётя до сих пор злится на собаку? Всего один укус, ничего страшного. Зато она сама упекла Пипи в клинику на целый месяц.

— Она всегда не любила собак. В детстве её укусила дворняга, и с тех пор она терпеть не может беспородных псов. А я вот взял и завёл Пипи — для неё это удар по репутации, да и вообще неприятно.

— Какой ещё удар по репутации? Что, породистые собаки теперь выше других? Какие дурацкие взгляды! — Цзян Ифэй раздражённо закатил глаза.

Гу Шутун тут же энергично закивал: Верно, верно!

Дальше они разговаривали о чём-то своём. Гу Шутун не понимал большинства упоминаемых имён и событий, так что только сидел в растерянности. То они обсуждали развитие каких-то компаний, то перескакивали на светские сплетни, то рассуждали о мироздании.

У Гу Шутуна от этого голова пошла кругом, и он убежал к лестнице разглядывать картины на стенах.

Через несколько ступеней висела картина — и так до самого верха, все масляные.

Не заметив того, Гу Шутун поднялся на второй этаж. В коридоре тоже висели картины.

Гу Шутун удивился:

— Картин так много... Неужели Петух — человек искусства?

Он подошёл к одной двери. Та была приоткрыта, и из щели пробивался свет. Немного поколебавшись, Гу Шутун толкнул дверь носом и увидел огромное абстрактное полотно. Краски будто были выплеснуты на холст и хаотично смешались. Гу Шутун не смог оценить это современное искусство и поспешно отвел взгляд.

В комнате царил беспорядок: готовые и незаконченные работы были свалены в кучу, мольберты и стены сплошь уставлены картинами.

Комната, которая должна была дышать творчеством, вызывала у Гу Шутуна странную тревогу.

Многие картины были абстрактными, с резкими, конфликтующими цветами, в которых невозможно было разглядеть форму. По стилю они походили на ту, что он увидел при входе, — непонятно, что изображено. Цвета давили, были слишком насыщенными. Ядовито-красный, будто кровь, ложился на холст густыми, тяжёлыми мазками. Гу Шутун постоял там недолго, почувствовал, как сердце начинает колотиться как-то неровно, и поспешил ретироваться.

Вернувшись в гостиную, Гу Шутун смотрел на добродушную улыбку Петуха и не находил в ней ни капли добродушия. В испуге он прыгнул на колени к Фу Сьюэ и зарылся мордой в его распахнутую стёганку.

Цзян Ифэй рассмеялся:

— Такой большой пёс, а ведёт себя как щенок! Не стыдно?

Фу Сьюэ тоже улыбнулся и нежно погладил его по шерсти.

Гу Шутуну потребовалось время, чтобы успокоиться и снова посмотреть на Петуха. — Может,

это я просто в искусстве не разбираюсь...

Он заметил в доме Цзян Ифэя панорамное окно и подошёл к нему, решив побороть свой страх высоты.

Здание было не самым высоким — всего тридцать один этаж. Гу Шутун посмотрел вниз. Широкая асфальтированная дорога казалась тонкой, как две спички. Машины, сновавшие по ней, превратились в роящихся муравьёв. Всё вокруг съёжилось, уменьшилось в разы. Возникло странное, новое ощущение. Смотреть на привычный мир под другим углом — совсем иное дело.

Не прошло и минуты, как у него закружилась голова. Ему почудилось, будто сила притяжения тянет его вниз. В панике он отпрянул от стекла.

Передохнув, он снова подошёл к окну. На этот раз он был упрям: прижался к ледяному стеклу и уставился на непрерывный поток машин внизу. Голова кружилась всё сильнее, в глазах поплыли круги.

Гу Шутун сдался:

— Ладно, ладно! Настоящему мужчине тоже можно чего-то бояться!

«Один раз отважся, второй — ослабь, третий — и вовсе сдайся». Гу Шутун не сделал и трёх попыток, как почувствовал, что силы и желание иссякли. Поникнув, он отошёл от окна.

Зимой темнело рано, поэтому и ужинали раньше обычного. Гу Шутун даже не заметил, откуда взялась еда, а стол уже ломился от разнообразных блюд.

Цзян Ифэй принёс небольшой изящный фруктовый торт и, сияя, воткнул в него одну свечу. Фу Сьюэ безжалостно подколот его:

— Взрослый уже, а всё на детские радости падок.

— А что, взрослым нельзя торт? Какие предрассудки!

Он выключил свет. Комната погрузилась во тьму, и только колеблющееся пламя свечи отбрасывало тёплый оранжевый свет.

Цзян Ифэй закрыл глаза и с ожиданием на лице загадал желание. В тот миг, когда он задул свечу, Фу Сьюэ ловко щёлкнул выключателем.

Яркий свет ударил в глаза. Гу Шутуну пришлось поморгать, прежде чем он снова смог нормально видеть.

Цзян Ифэй уплетал торт большими кусками, радостный, как ребёнок. Его беззаботная улыбка была такой заразительной, что и Гу Шутун почувствовал себя счастливее.

За ужином Фу Сьюэ остановил Цзян Ифэя, пытавшегося угостить Гу Шутуна со стола, и тот с виноватым видом узнал, что собакам человеческая еда вредна.

Гу Шутун, уже предвкушавший пир:

— Увы...

Наевшись, они втроем — двое людей и пёс — развалились на диване. Фу Сьюэ спросил Цзян

Ифэя:

— На завтрашний банкет придут те же самые люди?

При этих словах оживлённое выражение лица Цзян Ифэя мгновенно угасло. — Ой, не напоминай. Каждый год одно и то же, тоска смертная. Мне уже осточертело со всеми этими церемониями.

Гу Шутун удивился:

— ...Что, у тебя два дня рождения? Как это круто, Петух!

— Завтра же опять куча подарков будет. Разве тебе не нравится их получать? — Фу Сьюэ искоса посмотрел на него.

— Получать, конечно, приятно. Но за каждый подарок потом надо отвечать тем же. Эх, вот бы найти такие, что можно только брать, ничего не отдавая взамен!

Гу Шутун с любопытством склонил голову набок, глядя на Цзян Ифэя. Тот лениво ухмыльнулся:

— Хе-хе, не ожидал? Я могу получать подарки целых два дня.

— Потому что я родился ровно в полночь.

Оказалось, Цзян Ифэй появился на свет ровно в ноль часов, без единой секунды погрешности. Раз уж это начало новых суток, то формально его день рождения приходился на девятое число месяца. Но в этот день дом всегда полон гостей, праздник получается суетным и не в радость. Поэтому он отдельно отмечает ещё и восьмого.

Гу Шутуну стало завидно:

— Два дня рождения подряд — вот это да!

Перед уходом Фу Сьюэ, уже стоя в прихожей, вдруг обернулся к Цзян Ифэю:

— Не буду тебя учить. Но сам подумай, как ты собираешься разобраться с Чжэн Чэнсюнем.

Цзян Ифэй на мгновение замер, затем на его лице расплылась уверенная улыбка. — Не волнуйся. Я знаю, что делаю.

Фу Сьюэ едва заметно кивнул.

Примечание автора:

Гу Пипи: Я тоже хочу два дня рождения.

Раньше в это время года лишь изредка моросило мелкой снежной пылью, но в этом году снег шёл особенно обильно. Крупные, пушистые хлопья кружились в воздухе, застилая всё вокруг. На крышах и газонах лежало толстое белое покрывало, а с голых ветвей деревьев свисали острые сосульки.

С двадцать третьего числа праздничное новогоднее настроение стало ощущаться всё явственнее.

<http://bllate.org/book/15954/1426718>